

Николай Тимченко

Вторжение в частную собственность

Судьбоносный урок

В это утро ему в очередной раз не повезло. На винзаводе, где таким, как он, «баловням судьбы» счастье иногда улыбалось, сегодня обошлись без его услуг. Погрузки готовой продукции в вагоны не намечалось, а на работу к конвейеру взяли, как обычно, всего-то пять человек. Все они ничем не отличались от остальных соискателей подработки, если не считать, что держались дружной компанией и никого не пропускали вперёд.

Хоть родители и нарекли его без малого сорок лет назад Виктором, но сегодня в победители он не вышел. А как здорово, когда попадаешь в винный цех! Хоть тяжело там, а работа однообразная и без отдыха, но есть в ней свои прелести. Нет, не в том, что ящик за ящиком надо снимать с непрерывно движущегося конвейера. И вовсе не в том, что эти ящики с наполненными вином бутылками надо быстро донести до места складирования, а там... ставить в шесть ярусов. Рабочих в цехе пятеро, вот и получается, что каждому непременно достаётся и шестой ярус, покоряющийся лишь с подскока.

Прелесть, хоть и не главная, в том, что на территории завода есть столовая, где в обеденный перерыв можно по-человечески пообедать: первое, второе, третье. И всё под дневную зарплату. Главная прелесть для всех работающих в цехе однозначна—в приходящих по конвейеру ящиках. В них какая-то бутылка может прийти разбитой. Но это по технологии, а реальность более прозаична. Конвейер не потряхивает, и лома в ящиках нет. Но он всё равно появляется. Время от времени один из рабочих разбивает бутылку над чашкой или кружкой, а содержимое из рук в руки попадает всем пятерым. За рабочий день, при наличии битой тары, списывается до десятка бутылок, а у всех ни в одном глазу—без преувеличения потогонная работа выгоняет из людей всякую жидкость.

Да чего теперь сожалеть, что сегодня не твой день? Виктор миновал железнодорожный путь, выходящий с территории винзавода, и быстро направился к продовольственному магазину в надежде получить там работу грузчика. Случалось, что грузчик, работавший на постоянной основе, не выходил на работу, а свято место пусто не бывает—на место прогульщика тут же брали кого-то

другого. Отработав несколько дней, новичок автоматически переходил в разряд постоянных. До первого срыва, разумеется. И он сам несколько раз бывал постоянным, но в других магазинах. И каждый раз только до срыва.

Рабочий день грузчика начинается задолго до открытия магазина, но Виктор успел прийти к рабочему выходу раньше, чем туда прибыл первый продуктовый фургон. Выход открылся, а вместе с менеджером, ведущим учёт привезённых товаров, появился и штатный грузчик. Очередное невезение. Желудок ворчанием напомнил хозяину о необходимости подкрепиться. Но чем? В карманах не только не шуршит, но и не бренчит.

Спешить уже некуда, и голодный неудачник побрёл на берег пруда. Там вечерами молодёжь имела обыкновение «культурно» отдыхать, вливая в себя веселящую влагу. Чаше всего той влагой было пиво. Пластмассовые бутылки, независимо от ёмкости, не интересовали «санитаров города»—так называют в народе бомжей, промышленяющих на жизнь сдаваемой стеклотарой. Однако бывали среди вечерних отдыхающих и любители чего-нибудь покрепче, чем пиво. После них можно было разжиться и стеклянной посудой. Это если после распития они не разбивали бутылки тут же, на берегу пруда, или не выбрасывали их в плавание по водной глади.

В летнее безветрие нередко взору представляли торчащие из воды горлышки плавающей стеклотары. Ночью был морозец, и пруд покрыл ледок, прогибающийся и хрустящий под ногами детворы. Ни о какой опасности мальчишки, естественно, не задумывались. Взявшись за руки, они разбежались и катились по первому в этом году тонкому ледку. Так было до тех пор, пока они не оказались в том месте, где уже побывали и где лёд имел трещины. Один из друзей, бежавший справа, вдруг провалился. Средний мальчишка, державшийся за крайних, инстинктивно отпустил руки своих дружков.

Два шалуна с глазами, полными страха, ринулись бежать подальше от этого опасного места, оставив провалившегося товарища в полынье. Одежда быстро намочила и стала невероятно тяжёлой, сковала движения. Ребёнку, барахтающемуся

в холодной воде, она не давала выбраться из полыньи. Край тонкого льда обламывался, как только мальчику удавалось опереться на хрупкую твердь.

В первое же мгновение, когда один из шалунов провалился, Виктор на бегу выломал от стоящей вблизи сухой черёмухи трёхметровую ветку. Избега места с растрескавшимся льдом, по дуге побежал к тонущему подростку. До полыньи оставалось метров шесть, когда вода поглотила ребёнка, не отпуская обратно. Объятый страхом и обжигающей тело стужей, тот быстро выбился из сил.

Ветка оказалась бесполезной. Мужчина сбросил с себя куртку, ботинки и, пробежав несколько шагов, нырнул в ледящую воду. Он не сразу заметил медленно опускающееся ко дну детское тельце, а увидев, схватил его со спины и оценил глубину пруда под проломом льда. Вынырнув и подплыв к краю полыньи, встал. Ноги обрели опору, но голова оказалась в воде. Спасатель напрягся и резко оттолкнул от себя ребёнка. Когда вынырнул, увидел мальчика лежащим на льду.

Половина дел по спасению была сделана. Чтобы не обломать лёд там, где лежал ребёнок, Виктор подплыл к другому краю полыньи и пытался вырваться из водного плена. Трижды лёд под ним обламывался, но ему удалось выбраться. Ползком приблизился к брошенной на бегу ветке, зацепил сучком за куртку спасаемого человечка, подтянул к себе. Лёд выдержал лежащих на нём людей. И мужчина стал нажимать на живот, чтобы освободить от воды лёгкие мальчугана. Из носа и рта ребёнка хлынула вода. Ещё около минуты потребовалось на искусственное дыхание и непрямой массаж сердца, прежде чем спасённый закашлялся и заплакал.

Главное было сделано — ребёнок жив. Виктор добрался до своей куртки и обернул ею мокрого, но пришедшего в сознание мальчугана. Пока он спасал мальчишку, другие участники опасной забавы благополучно выбежали на берег и позволили в службу скорой помощи. По прерывистому дыханию и сбивчивому рассказу о несчастье, слушавшемся с другом, принимающий вызовы понял, что это не детский розыгрыш. Да, это реальный вызов к человеку, попавшему в беду.

Скорая довольно быстро оказалась на берегу злосчастного пруда, когда спасатель уже аккуратно подводил подростка к берегу. На льду продолжали сиротливо лежать сброшенные Виктором ботинки. Его, мокрого, вместе со спасённым ребёнком машина скорой помощи повезла в больницу. Водитель угостил промокших и продрогших горячим ароматным сладким чаем из своего термоса. Тепло медленно наполняло блаженством внутренности мужчины, ещё не ощутившего сегодня во рту ни крошечки, ни капельки съестного.

В больнице спасённого и спасателя поместили в одну палату. Выяснив, кто есть кто, врачи

сообщили взрослому, что его здоровью переохлаждение не угрожает. Обсушившись, сегодня вечером он сможет покинуть больничные стены. Приехавших к ребёнку родителей босой безработный попросил принести его ботинки, оставшиеся на льду. Отцу мальчика показалось проще купить спасателю новую обувь, чем идти на пруд. Он выяснил необходимый размер.

Когда доктор и родители вышли из палаты, мать спасённого шалуна пренебрежительно произнесла:

— Какая мелочность. Предъявил счёт за ботинки.

Доктор пояснил:

— Ничего удивительного — они у него единственные. Вашего ребёнка спас божж. Удивительно другое: растеряв в жизни всё, даже ботинки, он сохранил человечность.

При слове «божж» женщину словно пронзили несколькими кинжалами и облили кипятком одновременно. Так сложилась её жизнь, что эта категория соотечественников вызывала в ней брезгливость, неприятие, отвращение и ненависть. И вот недочеловек-божж прикасался к её ребёнку. Она не думала о том, что могла лишиться сына, если бы не вмешательство этого скверного отброса общества. Именно такого мнения была она о божжах.

«Не имея ни дома, ни работы, божжи промышляют чем придётся. Они не ограничиваются попрошайничеством и способны шантажировать тех, кто зарабатывает свои кровные», — давно уверовала мама спасённого мальчика.

Сама она никогда не работала — средства, необходимые для безбедного существования семьи, добывал муж. Отношение к божжам продиктовало ответную реакцию на слова доктора. Она злорадно сказала:

— Я бы не удивилась, узнав, как долго этот «человечный» божж пас нашего мальчика, чтобы заполучить за него куш.

На слове «человечный» она сделала особый акцент. И тут же гневно добавила:

— Не на тех нарвался! Ничего ему от нас не обломится!

Доказывать ей что-то было бы бесполезно. Вскоре в палату вернулся отец и отдал спасателю сына новенькие ботинки. Ребёнка рядом уже не было. Как сказал потом доктор, маленького спутника Виктора перевели в другую палату по настойчивой просьбе мамы. Другой благодарности за спасённое чадо недочеловек не заслуживал. Судьба преподала ему очередной урок, и он усвоил этот жестокий дар судьбы.

«Вот так-то быть божжем», — с грустью подумал наш герой, покидая так ненадолго приютившую его больницу.

Однако как выбраться из засосавшего его бытия божжевания, он пока не представлял.

Путешествие в Каменку

Виктор давно хотел покончить со своим неприятным настоящим. Давно и даже несколько раз он говорил себе:

— Всё, завязал.

Но, увы, всякий раз после «завязки» наступала очередная «отвязка». И вновь он оставался ни с чем. Всё, что можно было пропить, спустил по дешёвке. Даже благоустроенную квартиру в Каменку после смерти матери он продал вдвое дешевле рыночной стоимости. Зато быстро. И вновь он дал себе слово завязать со спиртным. Более месяца трезвого образа жизни со случайными заработками позволили ему сделать весьма скромные накопления, купить кое-что из одежды и внешне преобразиться.

Он твёрдо решил ехать в Каменку и начать там новую, совершенно трезвую жизнь. Благо, что его, покинувшего посёлок сразу после окончания школы, все успели забыть. Поездка на поезде, несмотря на наличие плацкартных мест, казалась ему менее привлекательной, чем на маршрутке. На ближайшую к Каменке железнодорожную станцию поезд приходит около трёх ночи, а оттуда надо ещё добираться с частником, переплачивая ему. Либо ехать на автобусе, который от станции отходит в половине двенадцатого — практически в полдень.

Из всех вещей у нашего переселенца была единственная дорожная сумка. Да и ехать на маршрутке ему было совсем не в тягость. К тому же, приехав на место днём, он надеялся подыскать для себя съёмное жильё. Не апартаменты, разумеется, а жилище, приемлемое для его тощего кошелька. Жить по средствам Виктор умел с оговоркой: когда был трезв. Но он же ехал не пить.

Пропетляв по крайцентру и собрав от подъездов домов рейсовых пассажиров, маршрутка выехала на федеральную трассу. Встречное движение оказалось таким плотным, что приходилось следовать за медлительными гружёными фурами. Лишь изредка шофёру удавалось совершить обгон. Пассажиры воспринимали ситуацию как неизбежную: с медлительностью маршрутки приходилось мириться.

Кто-то, закрыв глаза, думал о своём. Некоторые просто дремали, расслабившись перед напряжённым днём. Рядом с ним сидела девочка, а через проход от них — её мама, держащая на руках малыша. Малыш начал капризничать. Мама сняла с него шапочку и куртку — на дворе был конец октября. Ночью в городе и по трассе шёл дождь, а потому утром было прохладно. В маршрутке же тепло, как дома, и в верхней одежде ехать жарко. Взрослые разделись при посадке, а ребёнка мать решила сразу не раздевать.

Девочка была чем-то взволнована — это отразилось на её лице и поведении. В разговор с незнакомым дядей она вступала очень неохотно,

но вежливость не позволяла отмалчиваться, если к ней обращались. Виктор сказал, что его можно называть дядей Витей, и спросил, как её зовут.

— Вика, — ответила девочка и повернула голову в сторону братика, который снова закапризничал.

И вот светлячки фар от встречных машин остались позади маршрутки. Она покинула загруженную федеральную трассу, и теперь фары выхватывали из темноты мокрый асфальт дороги, ведущей в Каменку. Росинки, оставшиеся на придорожной траве после недавнего дождя, при быстрой езде маршрутки, прибавившей здесь скорость, превращались в блестящие ленточки. Они были похожи на дождь ёлочных украшений. Сестрёнка обратила на это внимание братика, он на некоторое время увлёкся зрелищем и успокоился.

Взрослый попутчик вновь обратился к своей юной соседке:

— Вика, как тебя называть лучше, Викулей или Викусенькой?

— Зачем? Я же не маленькая.

— А сколько тебе лет, Викуля?

— Девять, но в феврале будет десять.

— Ну вот, а мне через год стукнет сорок, значит, я всё-таки имею право называть тебя так, как взрослые называют девочек твоего возраста. А как зовут твоего братика?

— Богданом.

— Интересно, почему его так называли, — задумчиво произнёс Виктор.

— Так захотел папа.

— А где он сейчас? Почему вы едете без него?

Девочка оценивающе посмотрела на своего попутчика, размышляя, довериться ли ему. Потом взглянула на маму, которая в беседе участия не принимала, но всё слышала. Лицо её показалось ребёнку безучастным — во всяком случае, запрета на нём дочка не заметила.

— Мы уехали от него, — выдохнув, сказала девочка.

Продолжать эту тему с ребёнком Виктор не стал. Он просто спросил, куда они едут и кто у них там. Оказалось, что мама с детьми едет в Каменку, где живёт бабушка Вики и Богдана — мамина мама. Улыбнувшись, взрослый собеседник сказал юной попутчице, что им по пути до самого конца. В какой-то деревеньке маршрутка остановилась, и шофёр объявил пассажирам, что стоянка десять минут.

Дверь открылась — в салон ворвались свежесть и прохлада осеннего утра. Набросив на себя верхнюю одежду, пассажиры вышли, чтобы размять немеющие от неизменного положения ноги. Мама одела малыша и вышла с ним из салона «Газели» последней. Сестрёнка взяла братика за ручку, отошла с ним от мамы и подошедшего дяди Вити. Он поведал, что не стал выпытывать у ребёнка имя её мамы, и назвал своё.

— Марина, — ответила женщина.

Новый знакомый сказал, что не хочет показаться слишком любопытным или навязчивым, а тем более назойливым. Извинившись, спросил женщину, почему они едут от отца детей.

— Достали беспросветные пьянки,— огорченно ответила она.— На работу нигде не берут, а пить на что-то надо. Вынес из квартиры всё, что можно,— добавила собеседница.

— А лечить пробовали?
— Нет, он сам себя алкоголиком не считает. А насильно сделать это невозможно. Необходимо его согласие, которого мы не дождалась. О работе в Каменке я договорилась, за Богданом мама присмотрит, пока нет места в садике.

Виктор вспомнил, как семь лет назад жена настояла на разводе. Но тогда в квартире остался не он, а жена с двенадцатилетним сынишкой. Не выходя из состояния раздумья, он спросил Марину, почему в красноярской квартире остался муж. — Свою долю мы получим по суду при разводе,— заверила собеседница.

— Ну вот, общество бомжей пополнилось ещё одним представителем,— задумчиво произнёс попутчик.

Прозвучал сигнал, пассажиры заняли свои места, и маршрутка помчалась дальше. Богдана усадили на колени матери, а с Викой продолжилась беседа. Она уже без особой застенчивости рассказывала, что ей очень хочется пожить у бабушки, но не хотелось бы задерживаться у неё надолго. Потом с грустью добавила, что будет скучать по одноклассникам, по учительнице и подружкам с их двора. Иногда девочка отвлекалась на братика, которому надоело смотреть в окно. По-детски бесцеремонно юная соседка спросила у дяди Вити, где он работает.

Что мог он ответить ребёнку? Чтобы не разочаровать свою общительную и доброжелательную попутчицу, он, вспомнив, что когда-то работал на этом поприще, сказал:
— Спасателем.

Собеседница, это чувствовалось, прониклась к дяде Вите огромным уважением. С искоркой в глазах, суть которой Виктору осталась непонятной, она произнесла:

— Это же так трудно и опасно!

Он просто и без нравоучений ответил:
— А лёгкой работы не бывает вообще. На одних работах выкладываются физически, на других— умственно, а третьи требуют от человека крепких нервов, большой ответственности за людей и оборудование. Вот тебе легко даётся учебный труд? Все предметы тебе даются одинаково легко, или есть какие-то не очень лёгкие?

Девочка призналась, что ей легко по всем предметам, кроме физкультуры.

— А я любил физкультуру. Любил я и математику, и другие предметы. Не любил только иностранный,

хотя много раз пожалел об этой своей нелюбви, когда стал взрослым.

Маршрутка остановилась около столовой на двадцать минут, чтобы можно было не только размяться, но и чего-нибудь покушать.

— Мамачка, ты не знаешь, а дядя Витя работает спасателем,— радостно, как о своём хорошем друге, сообщила Вика.

— Главное, чтобы мне не пришлось спасать вас, мои замечательные попутчики,— отшутился Виктор.

Марина попросила дочку, чтобы она прошла с Богданом.

— Умеете вы находить общий язык с детьми! Я хорошо знаю: её не всякий разговорит, но с вами она успела сдружиться. Это для меня даже удивительно,— с улыбкой поведала мать о результатах своих наблюдений.

И вновь пассажиры заняли свои места в салоне маршрутки, а полоска дороги, извиваясь, побежала навстречу. Светало. Почти сразу за посёлком ленточка асфальта, петляя в отрогах гор, нырнула в сплошную тайгу. Хмурые разлапистые пихты и ели, видневшиеся между ними кедры, уронившие листву берёзы и осины не радовали путешественников. Наоборот, они рождали в воображении Вики жутковатые сюжеты ещё не прочитанных сказок. Этими сюжетами она загадочным тоном делилась со своим необыкновенным попутчиком. — Да ты, Викулечка, будущая писательница,— с серьёзным видом отметил взрослый друг, слушая фантазии ребёнка.

Моросящий дождь перешёл в ливень, а дорога тем временем пошла на подъём. Предстояло миновать два перевала через хребты Саян, прежде чем они приедут на место. Ночью было прохладнее, у подножия перевала выпал снег. Машины прикатали его к асфальту, и холодный дождь лишь превращал это природное покрытие в гололёд, который маршрутка с трудом преодолевала на затычном подъёме.

Вскоре к дождю прибавился снег. По мере подъёма на перевал снег становился всё гуще, снежинки превратились в хлопья. А дорога уходила всё выше и выше. Дождя и вовсе не стало, а всякую видимость заслоняла сплошная стена снегопада. Крупный и липкий, он ложился на лобовое стекло, и автомобильные «дворники» едва справлялись. Неожиданно снегопад прекратился: дорога здесь поднялась выше снеговой тучи.

Вскоре подъём закончился— хребет достиг своего апогея. Начался не менее зыбкой спуск по южному склону хребта. Вновь маршрутка оказалась в объятиях снегопада. И вот снег, потом снег с дождём— или дождь со снегом— постепенно сменяются плотным дождём, а на дороге вместо липкого снега оказался гололёд. Но и он вскоре закончился.

Обращаясь к дяде Вите, Вика отметила, что здесь должно быть теплее, чем у вершины горы, где снег валил так, будто летел с огромной лопаты дворника-великана. Здесь водные потоки, обгоняя друг друга, мчались по ничем не покрытому асфальту. От дождя и прохлады в долине висел густой туман. Как и при снегопаде на перевале, здесь видимость дороги ограничивалась десятком метров.

Шофёр снизил скорость до минимума — лишь это предотвращало столкновение со встречным транспортом. А вот и мостик через таёжную речушку, сразу за ним начался подъём на второй перевал. Все дорожные обстоятельства повторялись в том же порядке, что и на первом перевале. Богдан, утомлённый дорогой, уснул на коленях матери. Подустала и его сестрёнка. Виктор предложил ребёнку тоже поспать и подставил под её голову свою руку. Девочка доверилась дяде Вите и вскоре, уже спящая, выбирала положение тела поудобнее.

Чуткий сон не миновал и большинство взрослых. Лишь некоторые из сидящих рядом тихо, не нарушая дрёму других пассажиров, беседовали о чём-то, известном только им. Маршрутка достигла вершины хребта и пошла по спуску. Снегопад, прекратившийся в конце подъёма, на спуске не возобновлялся. Поверх асфальта лежал только ночной снег, хорошо прикатанный машинами. Солнце прогревало южный склон перевала. Когда машина прошла половину спуска, по дороге побежали ручейки, а тающее под солнцем снежное покрытие превратилось в кашу.

Шофёр навёрстывал время, потерянное на скользких подъёмах, особо не задумываясь о последствиях быстрой езды на спуске по гололёду и на летней резине. Ехать на такой скорости можно, лишь будучи очень уверенным в себе и в машине либо спеша. Водитель мог спешить, чтобы прибыть на конечную остановку по расписанию, а мог и по каким-то личным мотивам. Так или иначе, но автомобиль километр за километром приближался к Каменке.

Большинство пассажиров, включая всех членов знакомой Виктору семьи, пребывало в состоянии дремоты. Неожиданно за поворотом дорога оказалась почти полностью перегорожена. Встречный КАМАЗ с прицепом не смог преодолеть подъём, и его стянуло по гололёду, развернув прицеп поперёк дороги. Шофёр скорее машинально, чем осознанно, до отказа нажал педаль тормоза и включил первую передачу. По гололёду летняя резина юзом несла машину без всякого торможения.

Маршрутка стало разворачивать поперёк дороги. Водитель вывернул баранку, но и это не помогло. Машину с пассажирами продолжало закручивать. Тогда он включил заднюю передачу и дал полный газ. Колёса шлифовали гололёд, но маршрутка стала медленно выравниваться,

стремительно несясь по спуску дороги. Виктор, мгновенно оценив ситуацию, подтолкнул дремавшую Марину и прижал своим телом Вику к сиденью. Мать тут же вжала в сиденье спящего малыша.

А машина юзом неслась к грузёному прицепу, её всё ближе прижимало к столбикам, отделяющим дорогу от крутого склона за обочиной. Все пассажиры мгновенно проснулись, и салон потрясли звуки душераздирающего визга. Почти одновременно послышались скрежет боковой обшивки салона и грохочущий треск ломающихся железобетонных столбиков ограждения. К женскому визгу добавились маты кого-то из мужчин.

Маршрутка наклонилась и тут же, ещё сдерживаемая ломающимися столбиками, легла на бок. Она, скользя на боку, подминала и ломала кусты. Мгновение — и хруст боковых стёкол прекратился: осколки высыпались. Какой-то пень оказался на пути, и машина, стукнувшись об него, дальше покатила вверх колёсами. Пассажиры, пристёгнутые ремнями безопасности, беспомощно болтались в воздухе. А машина продолжала катиться по склону на огромную ель. «Газель» врезалась в неё и остановилась.

Торможение, переворачивание машины и её скольжение по склону до момента остановки у ели заняло какие-то секунды. Но сколько страхов претерпели пассажиры! Сколько тягостных ощущений, переживаний и впечатлений зафиксировалось в мозгу! От резкого торможения часть ремней безопасности лопнула, высвободив людей из своего плена. Они же спасли от увечий при ударах. Освободившись от ремней безопасности, люди один за другим стали выползать из салона в отверстие, где ещё недавно было лобовое стекло. — Выключи зажигание, — обратился Виктор к шофёру, но тот молчал.

Не теряя времени, он взял у матери ревущего мальчика, помог ей выбраться и передал малыша Вике, покинувшей салон раньше мамы. Шофёр был без сознания. Выключив зажигание, так как уже ощущался запах бензина, необыкновенный попутчик девочки стал вытаскивать шофёра. При этом он заметил мужчину в возрасте, который, хоть и был в сознании, от боли не мог покинуть салон самостоятельно. Вслед за шофёром спасатель вызволил из салона и пострадавшего мужчину.

Только теперь он смог осмотреться, оценивая обстановку. Оказалось, что, кроме пожилого мужчины, у которого, возможно, была повреждена тазовая кость, не может опираться на ногу одна из женщин. Перелом, если он имел место, мог быть ниже колена. В шоковом состоянии женщина, превозмогая боль, самостоятельно выползла из салона. Боль стала ещё нестерпимее, когда она попыталась встать. Серьёзные травмы получили пассажиры, ехавшие, подобно водителю, не пристёгнутыми.

Остальные отделались ушибами и, по внешним признакам, сотрясением мозга. Маленькая попутчица получила ушиб ноги, её мать — руки, а сам он при ударе машины о дерево растянул руку в кисти.

Двух парней в берцах он отправил наломать пихтового лапника, чтобы на него можно было положить женщину и мужчину, предположительно с переломами, и бессознательного шофёра. Ещё двоих попросил принести веток для костра. Несмотря на осеннее солнце, стоять, а тем более лежать без костра — холодно. Сделав распоряжения, осмотрел кровоточащую рану на голове шофёра. Явного перелома костей не обнаружил и попросил женщин дать ему что-нибудь, впитывающее кровь. Это что-нибудь нашлось в гардеробе Богдана — тем и перевязал рану, чтобы остановить кровотечение.

Принёсшие лапник парни возмущались, что непонятно кто командует ими. Марина пояснила, что командует профессиональный спасатель, хорошо знающий своё дело. Это не только успокоило людей: они, получив такую информацию, прониклись уважением к организатору, взявшему на себя ответственность за всех них. До ближайшего посёлка, где могла быть хоть какая-то связь, оставалось километров пятнадцать. Здесь горы не позволяли вызвать машину скорой помощи по сотовой связи.

Вдруг, немало рискуя, предварительно высадив пассажиров, один смельчак на «Жигулях» решил объехать прицеп. Сбитые маршруткой столбы ограждения позволили прихватить немного обочины. Но была опасность, что прихватившую склон машину может стянуть под откос, где уже лежала перевёрнутая «Газель».

Виктор взял малыша на руки, и они с Мариной и Викой стали выбираться на дорогу. Если даже окажется, что свободных мест в «Жигулях» нет, необходимо, чтобы на подъезде к посёлку кто-то сообщил в службу скорой помощи о происшествии. Необходима транспортировка трёх больных с тяжёлыми травмами, двое из которых, возможно, с переломами.

Риск оказался оправданным. Машина протиснулась мимо прицепа, и пассажиры усаживались в салон, когда четвёрка из маршрутки подросла к водителю-смельчаку. Девочка подбежала первой. Одно место оказалось свободным.

— Вику я привезу, ждите от неё звонок, — сказал спасатель Марине.

Малыша приняла женщина, ехавшая пассажиром, а мать Богдана села, придерживая ушибленную руку. Почему-то она не сомневалась, что с дочкой ничего не случится, когда та рядом с этим добрым спасателем. Никто из пассажиров не стал возмущаться, что первой отправлена женщина с маленьким ребёнком. Они мысленно благодарили судьбу, что среди них оказался человек, сумевший

быстро и чётко организовать всех в этой непростой ситуации, — настоящий спасатель.

Подошёл тягач, который был вызван шофёром машины, вернувшейся в ближайший посёлок ещё до аварии маршрутки. Тягач выровнял прицеп настолько, чтобы мог проехать сам, а затем взял КАМАЗ на буксир и двинулся по перевалу на подъём. Движение по трассе нормализовалось. Все, кроме пассажиров, лежащих на лапнике, уехали на попутном транспорте, которого накопилось в пробке предостаточно. Ребёнка организатор спасения пассажиров от себя не отпускал — данные обещания он привык выполнять.

Подъехали две машины скорой помощи — их вызвали те, кто уехал на «Жигулях». Врач скорой помощи поставил предварительный диагноз, распорядился погрузить двух пострадавших с переломами на носилки, зафиксировал их в салонах машин. Шофёру маршрутки, давно пришедшему в сознание, оказали первую помощь. В одной из машин нашлось место и для Виктора с Викой.

Марина и Богдан уже были дома у бабушки. Туда же карета скорой помощи завезла и наших подружившихся попутчиков. Спасатель передал ребёнка маме и, сославшись на массу неотложных дел, распрощался. При этом он не воспользовался предложением поужинать, а заодно и пообедать. Первая же прохожая на улице Каменки сказала, что проще найти жильё в аренду во Времянке — небольшом посёлке, который строился как временный. Получив жильё здесь, некоторые пожилые люди продолжают жить там. Переселившиеся в пустующее жильё охотно сдают приезжим по ценам ниже, чем в самой Каменке.

Времянка и её местонахождение хорошо известны приезжему. В отличие от Марины, предварительно согласовавшей по своей работе на новом месте все мелочи, Виктор ехал на авось. Ни жилья, ни работы, но опускаться до уровня бомжей, которые есть и здесь, он не хотел. Отшагав пешком около четырёх километров, путник оказался во Времянке, превратившейся для жителей Каменки в дачный посёлок.

Стемнело. Он подошёл к калитке домика на входе в посёлок, где в окнах был виден свет. Хозяйский пёс, будка которого стояла вблизи калитки, со свирепым лаем бросался на незнакомца так, словно пытался порвать цепь. Подошедшая на лай хозяйка выслушала незнакомца ей мужчину и сказала, что на этот случай соседка оставила ключ. Припозднившийся путник может располагаться, дрова во дворе увидит сам. Вернувшись из домика, подала ключ.

Путешественник растопил печь и с облегчением произнёс вслух:

— Ну вот, крыша над головой есть, на печке можно готовить еду. Что ещё надо? Нужна работа, — тут же ответил сам себе.

Не успел он разогреть содержимое банок, купленных в Каменке, как услышал, что к домику подъехала легковая машина. Внутри вошли двое и представились хозяином и хозяйкой этого домика. Тётя Оля, так зовут их соседку, сообщила им о постояльце. Оказалось, что арендная плата вполне приемлема. Взяв на всякий случай расписку, квартирант отдал деньги за месяц вперёд. Договорились, что за оплату хозяин будет приезжать в двадцатых числах ежемесячно.

Стеснять постояльца хозяева не стали. Оставшись один, переселенец поужинал, протопил баню и, освежившись, лёг в чистую, хоть и хозяйскую, постель. Здесь он почувствовал себя нормальным человеком, а не бомжем. Утром следующего дня новосёл взял документы для прописки и оформления на работу и отправился в большой посёлок. В пожарной части Каменки, даже не взглянув на записи в его трудовой книжке, сказали, что текучки кадров у них нет — его не могут взять на работу. Тем более что оформление — в райцентре. И это при том, что он успел сказать о работе в городе спасателем.

Идти в магазин грузчиком ему не хотелось. Хотя и считается, что всякая работа почётна, но на одни работы есть конкурсный отбор, а на другие берут тех, кто не прошёл отбор. И отношение к работающим там несколько иное, чем в местах с отбором. На градообразующем предприятии посёлка в это время был спад деятельности: часть работников отправили в административные отпуска, а о приёме новых не могло быть и речи. Для начала, на время отпуска специалиста, Виктор устроился помощником машиниста на центральную котельную (цк) в Каменке. Коллеги подшучивали, что теперь он работает в цк, что почти то же, что и в Центральном комитете. С медосмотром проблем не возникло.

Тем временем в Каменке, с населением менее пяти тысяч человек, где многие знают друг друга, быстро разнеслась весть об аварии маршрутки на пути к посёлку. Кто-то узнавал об этом от третьих лиц, а некоторые — из первых уст, от пассажиров того рейса. О действиях организатора люди рассказывали если не восторженно, то с огромным уважением.

Марина на новом рабочем месте поведала, что ехала в той самой потерпевшей аварии маршрутке. Не без эмоций она рассказала и о действиях попутчика, оказавшегося спасателем. Ей даже не хотели верить. Она, их коллега по работе, и вдруг лично знакомая с местной значимостью — быть не может. Тем более новая коллега огорчённо сказала, что они даже не обменялись номерами телефонов.

Что касается Вики, то она в новой школе стала объектом всеобщего внимания. Как восторженно, впопыхах не проговаривая окончаний некоторых слов, она рассказывала о дяде Вите-спасателе! Всем

было ясно, что только благодаря ему эта девчонка отделалась единственным ушибом.

— Скромность дяди Вити украшает и возвышает его, — поведала она одноклассникам.

Но где он и как его найти в Каменке, не знала. Она даже не поблагодарила его за своё спасение. Как, впрочем, и все остальные. И вот теперь все рассказывали о том, какой он хороший спасатель и скромный человек. Ни разу, даже косвенно, он ничем не показал, что кто-то чем-либо обязан ему.

Вторжение в частную собственность

Вскоре после приезда Виктора неординарная ситуация произошла и в самой Каменке. Субботним днём он был на работе и во время обеда пошёл в столовую. После изрядно поднадоевших дождей выдалось несколько непривычных для этой поры очень тёплых солнечных дней. На пути его следования около одной из пятиэтажек толпился народ.

Подойдя ближе, работник котельной увидел, что на третьем этаже створка окна распахнута, а в проёме в такт громкой музыке, доносящейся из окна, пританцовывает ребёнок. На вид ему было меньше двух лет. Малыш не просто ритмично подгибал в коленях свои ножки, но и делал движения ручонками, ни за что не держась при этом. Вместе с музыкой через раскрытое окно были слышны отрывки громкой речи. По всему было видно, что взрослые в квартире пьяны и им не до малютки.

В любой момент кроха, увлечённый танцем, мог потерять равновесие и рухнуть на бетонную отмостку. Некоторые из толпившихся здесь женщин смотрели на ужас этого танца несмышлёныша, прикрыв глаза ладонями. Мужчины, которых оказалось заметно меньше, чем представительниц прекрасного пола, недоумевали, что можно сделать в этой ситуации. Люди пытались упрямить ребёнка оставить подоконник, но тщетно. Малышу нравилось внимание такого количества взрослых, и он позировал, как умел.

Не теряя мгновения, спасатель забежал в ближайший подъезд и позвонил во все четыре квартиры первого этажа. За одной дверью послышалось шарканье и последовал вопрос:

— Вам кого?

Виктор попросил срочно дать ему одеяло, быстро пояснив ситуацию через закрытую дверь. Со словами:

— Какой ужас! — пожилая женщина через пару минут подала ему одеяло.

Бегом вернувшись к окну, он попросил четверых зевак поддержать растянутое одеяло, чтобы в случае падения смягчить удар.

— Пять этажей, третий подъезд, третий этаж, пятьдесят первая, — повторял он, наступая через одну ступеньку, когда бежал на третий этаж.

«Только бы успеть, только бы успеть!» — выдавал команду возбуждённый мозг.

Дверь пятьдесят первой квартиры оказалась не заперта, и он, не сбавляя бега, промчался мимо кухни в комнату. Около окна стояла табуретка, с которой кроха вскарабкался на подоконник. Спасатель беззвучно, чтобы не напугать малютку, подбежал к нему и снял с подоконника. Пьяная толпа с кулаками и матами набросилась на него, обвиняя в бесцеремонном вторжении в частную собственность граждан. Никакие доводы об оставленном без присмотра ребёнке не вразумили пьяных. Эмоции блюстителей частной собственности выплёскивались из них так, что в ход пошли и руки, и ноги. Отбиваясь, нарушителю пьяного «спокойствия» удалось покинуть квартиру.

Когда он вышел из подъезда, у кого-то из ещё не успевших разойтись женщин вырвался вопль: — О божечки! Кто же это вас так разукрасил?

Виктор неуклюже отшутился: — Если бы я был хилым, запинали бы на месте. Но не беспокойтесь, их физиономии в порядке.

Началось бурное обсуждение всего произошедшего. Женщина средних лет возмущённо выкрикивала:

— Да таких родителей давно пора лишить родительских прав!

За разговором никто и не заметил, когда и куда исчез спаситель, пострадавший от пьяного дебоша.

«Вот так пообедал, вот так влип, ай да поединочек! Да и поединок ли это, если их было четверо?» — огорчённо подумал спасатель-поединщик.

Идти в столовую было уже поздно и неудобно: он чувствовал, что бровь рассечена и выступила кровь. В кочегарке встретили вопросом:

— Кто же тебя так?

— Нарвался на пьяную толпу, — сказал новичок, промывая рану.

— Совсем обнаглела молодёжь! Уже средь бела дня прохода не дают нормальным людям! И всё им сходит с рук, полнейшая безнаказанность! И за что только в полиции деньги платят, непонятно?! — возмущалась единственная в смене женщина-лаборант.

Пострадавший не стал вносить уточнения, тем более что мужчины и женщина в квартире были

молодые. «Пусть люди думают так, как думают», — решил он.

Весть и об этом необычном случае разнеслась по посёлку в этот же день. Спецкор районной газеты «Саянский вестник» решила выяснить: а не один ли это спасатель проявил себя и при аварии маршрутки, и в случае с ребёнком?

На эту мысль наталкивала чёткость и слаженность действий в обоих эпизодах. И вновь никто не знал, куда делся находчивый и решительный мужчина после искромётного спасения малыша. И не только малыша, но и себя тоже, ведь он мог и не уйти от разъярённой пьяной толпы, разбившей его лицо в кровь. Получить подтверждение своей догадке корреспонденту не удавалось. Никто не видел спасателя в обоих эпизодах, чтобы ответить на интригующий вопрос.

Через три дня жители района, в том числе и каменцы, в районной газете прочитали статью «Неуловимый спаситель». Котельщики, работавшие с Виктором в смене, как-то не связали побитого недавно коллегу со спасшим малютку незнакомцем. Им-то их коллега был знаком. Зато сослуживицы Марины, получив газету, спросили у неё: — Не тот ли это герой, о котором так уважительно ты рассказывала нам после дорожного происшествия?

Марина ничуть не сомневалась, что отличился снова он, тот единственный, кого боготворит дочка. В этом была твёрдо убеждена и Вика. Но когда она поведала о своей убеждённости одноклассникам, те стали подшучивать над ней, будто она пытается примазаться к чужой славе. Это обидело девочку, и она перестала говорить о дяде Вите. Но только говорить. Ведь помнить о том, какой он замечательный, не запрещалось.

Ей очень хотелось поскорее увидеть своего кумира. Но где он? Почему не приходит к ним? Ведь ему известно, где они живут. Эти и другие вопросы неустанно преследовали девочку. Виктор успел стать для неё самым лучшим дяденькой. В мыслях она готова была называть его своим папой, не подзревая, что в этом случае между замечательным дядей и мамой должны быть определённые отношения. Девочке казалось достаточно того, что мама к её идеалу относится очень уважительно.